

В. Н. Ярхо

О ЗНАЧЕНИИ ЭПИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРЕФИКСОМ ὑπερ-

В ТОЛКОВАНИИ древнегреческого эпоса и других литературных памятников архаической эпохи накопилось много предубеждений, сознательно или бессознательно модернизирующих мировоззрение доклассического греческого общества и переносящих на него представления, свойственные более поздним этапам исторического развития. Многие исследователи, отрицая своеобразие мировоззрения и внутреннего мира индивидуума в античности, оценивают поведение эпических героев с позиций современного человека, находящегося в гораздо более сложных отношениях с обществом и отличающегося поэтому несравненно более развитой психической структурой. Одной из причин подобной модернизации нравственной проблематики в ранней греческой литературе является приблизительное, неточное, а иногда и просто неправильное толкование целого ряда понятий, сохраняющих на протяжении всего архаического периода первоначальный, вполне конкретный смысл, далекий от каких бы то ни было этических постулатов. Поэтому исследование значения таких понятий представляется средством, способным создать объективную картину ранней греческой мысли и помогающим отказаться от предвзятых, субъективных истолкований ее. Здесь мы остановимся на группе эпических прилагательных (включая сюда два адъективированных причастия) с префиксом ὑπερ-, причем наряду с поэмами Гомера и Гесиода привлечем также материал хоровой лирики: нередко более поздние источники лучше сохраняют первоначальное значение слова.

Из одиннадцати прилагательных, входящих в названную группу, следующие пять несомненно сохраняют основное значение префикса ὑπερ- (высокая степень какого-либо свойства или качества), далекое от какой бы то ни было нравственной оценки:

1. ὑπερῆς «сверх меры веющая», «высоко вздымающаяся» волна (ἄελλα, II. 11, 297).

2. ὑπερήδης — обычный перевод: «безмерно (чрезвычайно) прославленный» вызвал в свое время возражение Бехтеля¹, настаивавшего на активном значении слова: «гордящийся», «величающийся». Для толкования II. 4, 66, 71 это различие не слишком существенно; для характеристики же Менетия в «Теогонии», 510, толкование Бехтеля заслуживает предпочтения, хотя и не дает повода для выводов морального порядка.

¹ F. Bechtel, Lexilogus zu Homer, 1914, s. v.

3. *ὑπερμηνής* «безмерно (чрезвычайно) могучий» — эпитет Зевса (П. 2, 116, 350; Hes., Theog. 534; fr. 141, 11; 150, 16²; Scut. 413), царей и героев (П. 8, 236; Od. 13, 205; Pi., fr. 184).

4. *ὑπεροχος* «превосходящий других», «выдающийся» (П. 6, 208; 11, 784; Hymn. Hom. 12, 2; Pi., Pyth. 2, 38; Bacch. 3, 5; 17, 68; 19, 44); «превосходить других» величиной или чудовищностью своего облика может также какое-нибудь морское животное (ср. Pi., Nem. 3, 24), что, разумеется, нельзя ставить ему в вину.

5. *ὑπερβής* (П. 17, 330), по поводу которого разошлись во мнениях уже античные комментаторы, переводя его то как «недоступный никакому страху», «бесстрашный», то как «чрезвычайно малочисленный», — в любом случае, однако, значение этого прилагательного не дает повода для негативной нравственной оценки.

К пяти перечисленным прилагательным достаточно близко примыкает и постоянный эпитет царей, героев и целых народов *ὑπερθυμος* «обладающий могучим духом» (например, П. 2, 746; 4, 365; 6, 111; Od. 3, 448; 11, 269; Hes., Theog. 937; fr. 10, 3; Pi., Isthm. 8, 55; Pyth. 4, 13; Bacch. 13, 103), хотя словари и выделяют в нем, наряду с положительным значением, отрицательное: «дерзостный», «надменный»³. Разумеется, из этой рубрики надо исключить все случаи, когда исследователем руководят субъективные симпатии и антипатии. Так, например, Канлиф⁴ относит к значению «overweening, arrogant, wanton» следующие пассажи: П. 5, 376; Od. 4, 784; 7, 59; 14, 209; 16, 326 = 360. Однако в первом случае эпитетом *ὑπερθυμος* характеризуется доблестный Диомед — точно так же, как в кн. 4, 365; то обстоятельство, что эта оценка вложена здесь в уста раненой Киприды, ничего не меняет. В Od. 4, 784 *ὑπερθυμοι* названы слуги, которые принесли оружие женихам, готовящим засаду Телемаху; спустя некоторое время те же *ὑπερθυμοι* *ἠεράποντες* разгружают корабль женихов (16, 360). Конечно, подлый поступок женихов вызывает наше осуждение, и мы готовы перенести свою оценку также на их «дерзостных слуг». Не забудем, однако, что и слуги, разгружающие корабль доблестного Телемаха, в той же кн. 16, 326, тоже названы *ὑπερθυμοι* — ясно, что во всех трех случаях мы имеем дело с застывшим эпитетом: «могучим духом» господам свойственно иметь столь же выдающихся слуг⁵. Тем более нетрудно объяснить, почему фигурирующие в вымышленном рассказе Одиссея законные дети умершего богатого отца названы *παῖδες ὑπερθυμοι* (14, 209), — потому что таким же *ὑπερθυμος* был их знатный отец; в самом же поведении этих молодых людей, выделивших своему сводному брату меньшую долю наследства, нет ни особой «наглости», ни особой «доблести».

Таким образом, во всем гомеровском эпосе остается только одно место, где определению *ὑπερθυμος* может быть придан отрицательный смысл, — в Od. 7, 59 *ὑπερθυμοι* названы гиганты, «безрассудный народ» (*λαὸς ἀτάσθαλος*, 60). Сюда же можно присоединить ст. 719 из «Теогонии», где сообщается, как Сторуки победили титанов, *ὑπερθυμοὺς περ' ἐόντας*. Поскольку титаны, как и гиганты, пострадали, начав восстание против Зевса, их поражение расценивается обычно современными исследователя-

² Фрагменты Гесиода — по изд.: *Fragmenta Hesiodica*, ed. R. Merkelbach et M. L. West, Oxf., 1967.

³ К кому относится *ὑπερθυμος* у Стесихора (fr. 222, II 5 Page), как и превосходная степень *ὑπερθυμίστατος* у него же (fr. 266), невозможно установить из-за плохой сохранности или краткости фрагментов.

⁴ R. Cunliffe, *A Lexicon of the Homeric Dialect*, L., 1924, s. v.

⁵ В военное время знатные герои столь же закономерно имеют «могучих духом» спутников-ескинов, *ἑταροὶ ὑπερθυμοι* (П. 23, 512).

К Одиссею
= Фрагменты
Д.с. в. в.
законны
и по ч. 102
11-
4,
83,

ми как справедливая кара за «надменность», с которой они посмели выступить против царя богов. При этом, однако, упускают из виду два момента. Во-первых, в «Теогонии» Зевс еще далеко не тот носитель мировой справедливости, каким он будет выступать в «Трудах и днях»⁶. Во-вторых — и это еще более существенно — причастие с энклитикой *περ* в указанном стихе Гесиода имеет ярко выраженное уступительное значение: Сторукые одолели титанов, *хотя* те и обладали «могучим духом». Другими словами, Гесиод подчеркивает только, что Зевсу и его воинству пришлось иметь дело с сильным противником, — моральные критерии здесь совершенно ни причем. Точно также были «очень могучи духом» упоминаемые в «Одиссее» гиганты; отважный дух вместе с безрассудством и побудил их выступить против богов — гибельный же исход это предприятие получило опять-таки из-за превосходства богов в мощи, а не в нравственности.

Если прилагательное *ὑπερβυιος* получает в словарях отрицательную этическую оценку только в отдельных случаях, то с остальными пятью, сложными с *ὑπερ-*, дело обстоит значительно хуже. Казалось бы, прилагательные *ὑπερβιος* «обладающий чрезвычайной силой», *ὑπερφιάλος* — собственно «выросший сверх меры», «обладающий огромным ростом» (корень, общий с *φύω φημι*), *ὑπεροπλος* «сверхмощный», а также причастия *ὑπερβυιος* «превосходящий мужеством», «безмерно мужественный» и *ὑπερβυιος* «выдающийся среди других» не дают оснований для негативной оценки героев, которых они характеризуют. Тем не менее, словари, как правило, толкуют их негативно: немецкий перевод этих слов у Пана⁷ и Зейлера⁸ обычно *übermütig*, *trotzig*, *frevelhaft* (чаще всего с пометкой *tadelnd*), английский — у Лидделла — Скотта⁹ и Канлифа — *overweening*, *wanton*, *arrogant*, русский — у Краузе¹⁰ — «высокомерный», «самонадеянный», «горделивый», даже «преступный» (несколько умереннее в своих оценках словарь Дворецкого¹¹). Неужели же древнегреческий героический эпос и в самом деле был так строг к своим героям, что ставил им в вину каждый случай превышения меры в росте, силе и мужестве? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу контекста, в котором выступают приведенные выше определения.

Начнем с прилагательного *ὑπερβιος* и, в частности, с того пассажа из Гесиода (Op. 692), который удивительным образом укрылся от внимания лексикографов: если положить на телегу *ὑπερβιον ἄχθος*, ось подломится, и груз погибнет; *ὑπερβιος* значит здесь в самом прямом смысле «превосходящий силой» силу (мы бы сказали: грузоподъемность) телеги. Точно так же *ὑπερβιος* может быть названа работа, требующая чрезмерной силы и превосходящая возможности обычного смертного, — поэтому Пиндар называет плату, причитавшуюся Гераклу за очистку Авгиевых конюшен, *ὑπερβιος μισθός* (Ol. 10, 29)¹². Соответственно «сверхмощ-

⁶ См. ВДИ, 1965, № 3, стр. 5—7.

⁷ W. P a n e, Griechisch-deutsches Handwörterbuch, B. 2³, 1914, s. vv.

⁸ E. E. S e i l e r, Griechisch-deutsches Wörterbuch über die Gedichte des Homeros...⁶, Lpz.,⁹ 1863, s. vv.

⁹ Greek-English Lexicon. Compiled by H. G. Liddell and R. Scott⁹, Oxf., 1940, s. vv.

¹⁰ Вл. К р а у з е, Гомеровский словарь³, СПб., 1896.

¹¹ Древнегреческо-русский словарь, сост. И. Х. Дворецкий, М., 1958, s. vv.

¹² Значение этого словосочетания хорошо передано Ф. Дорнзеифом в немецком переводе: *den übergewaltigen Dienstsold* (см. Pindars Olympische Hymnen. Übers. von F. Dornseiff, Lpz, 1937). Наоборот, стремление сохранить за *ὑπερβιος* моральное значение приводит Пюэша к искусственному его согласованию с именем Авгия: *a l'insolent Augias* (Pindare, I. Texte établi et traduit par Aimé Puech, P., 1922, стр. 129). И. Румпель (J. R u m p e l, Lexicon Pindaricum, Lpz, 1883), соединяя *ὑπερβιον* с *μισθόν*, тоже пытался объяснить его значение с этической стороны, при-

ным» является сам Геракл, способный выполнить такую работу (Ol. 10, 15; fr. 140a, 54), как и известный силач Синис в дифирамбе Вакхилида (18, 19): определение ὑπερβίος характеризует здесь не его моральные свойства, а только огромную физическую мощь (ср. ст. 20: *ισχύϊ φέρτατος θνητῶν ἦν*). В еще большей мере эпитет ὑπερβίος подходит к богам — ср. у того же Вакхилида (3, 37) обращение Креза к Аполлону: ὑπερβίε δαίμον — «сверхмощный бог».

Отсюда ясно, что и обладание «сверхмощным духом» (ὑπερβίος θυμός) отнюдь не может быть поставлено в вину эпическому герою, как это делают словари. Так, под рубрикой *im schlechten Sinn: übermütig, gewalttätig, frevelhaft* или *mostly in bad sense: overweening, lawless, wanton* словари Папе и Лидделла — Скотта единодушно помещают ссылку на П. 18, 262. Здесь Пулидамант советует троянцам укрыться за городские стены, так как Ахилл, разгневанный гибелью Патрокла, несомненно ринется в бой: οἷος καί ποτε θυμὸς ὑπερβίος — «таков у него сверхмощный (безмерно могучий, неукротимый) дух». Разумеется, троянцы не ждут для себя ничего хорошего от проявлений неукротимого духа Ахилла, но меньше всего эту оценку можно рассматривать как осуждение эпического героя. В несколько сниженной ситуации, но тоже без отрицательного оттенка употребляет сочетание ὑπερβίος θυμός юный Писистрат по отношению к своему отцу Нестору (Od. 15, 212), который, узнав о возвращении Телемаха, немедленно прибежит на берег и ни за что не отпустит гостя без угощения — таков у старика «неукротимый дух». Искать в этих словах осуждение «упрямства» Нестора (так в переводах Жуковского и Фосса: *heftiger, starrer Sinn*) явно бессмысленно¹³.

Столь же мало оснований понимать негативно сочетание ὑπερβίον ἦτορ в Гесиодовой «Теогонии», ст. 139 и 898. В первом случае оно характеризует киклопов, во втором — сына Зевса, ожидаемого от Метиды. Как известно, в действиях киклопов в «Теогонии» нет никаких признаков надменности или высокомерия; они во всем подобны богам, отличаясь лишь тем, что имеют один глаз, и выделяются своей силой и мощью — *ισχύς* и *βίη* (ст. 146); потому они и обладают «сверхмощным сердцем». Это же самое превосходство в мощи делает опасным для Зевса сына, которого ждет Метида, почему Кронид и считает за благо проглотить Метиду вместе с плодом ее чрева. Таким образом, вполне конкретное, чисто физическое значение прилагательного ὑπερβίος в этих стихах Гесиода не вызывает сомнения, как бесспорно и то, что для богов и для эпических героев огромная физическая сила и «сверхмощный дух» являются совершенно обязательными и к тому же положительными свойствами¹⁴.

Отрицательная трактовка прилагательного ὑπερβίος возникла в филологии, скорее всего, под влиянием сочетания ὑπερβίον ὄβριον ἔχοντες, которым в «Одиссее» несколько раз характеризуются женихи Пенелопы (1, 368; 4, 321; 16, 410). При этом, однако, осталось незамеченным, что отрицательная оценка содержится вовсе не в определении ὑπερβίος, а в самом существительном ὄβρις: женихи «полны безмерной наглости», но

вот следующее толкование Бёка: *superbam mercedem, utpote ingentem et superbe postulatam a superbo viro Hercule*. Между тем, в законном требовании Геракла уплатить ему обещанное вознаграждение не было никакой предосудительной гордыни.

¹³ Ср. удачное толкование ὑπερβίος в обоих разобранных местах у Канлифа: *headlong, headstrong, not to be restrained or turned aside*.

¹⁴ Показательно, что когда в одном из орфических текстов упоминаются титаны, ὑπερβίον ἦτορ ἔχοντες, автор добавляет к их имени определение *κακῶν ἡτῆν* «злокозненные», «коварные» (Orphicorum fragmenta col. O. Kern², B., 1963, fr. 119): беда не в том, что они наделены «сверхмощным сердцем», а в том, что замышляют в нем зло против богов.

отсюда вовсе не следует, что прилагательное «безмерный» равнозначно прилагательному «надменный», «дерзкий», «наглый» и т. п. Когда Вакхилид прославлял эгинета Пифея, проявившего в многоборье $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\beta\iota\omicron\nu$ $\iota\sigma\chi\acute{\upsilon}\nu$ (13, 75), он не боялся воспользоваться определением, якобы скомпрометированным близостью с $\acute{\upsilon}\beta\rho\iota\varsigma$ и не только с ней. В Od. 14, 92 и 95; 16, 315 наречие $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\beta\iota\omicron\nu$ трижды характеризует отсутствие меры в поведении женихов, которые без счета губят и расхищают добро в доме Одиссея; но опять же возмутительность поведения женихов выявляется вовсе не из обстоятельства $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\beta\iota\omicron\nu$, а из самих глаголов $\delta\alpha\rho\delta\acute{\alpha}\pi\tau\omicron\upsilon\sigma\iota\nu$ и $\phi\theta\iota\nu\acute{\upsilon}\theta\omicron\upsilon\sigma\iota\nu$. Нейтральным по своему значению $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\beta\iota\omicron\nu$ остается также в Il. 17, 19, где Менелай советует Евфорбу не «величаться сверх меры» ($\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\beta\iota\omicron\nu$ $\epsilon\upsilon\chi\epsilon\tau\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha\iota$) — сама же по себе «героическая похвальба» перед поединком не является в глазах эпического героя чем-то предосудительным.

Единственное место, где $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\beta\iota\omicron\nu$ имеет прямое значение «дерзко», — это жалоба Гелиоса на спутников Одиссея, убивших его священных коров (12, 379). Возможно, здесь сказалось влияние уже упомянутых выше сочетаний наречия $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\beta\iota\omicron\nu$ с негативными по своему смыслу глаголами; не забудем, однако, что это имеет место только в «Одиссее», значительно более склонной к морализированию, чем «Илиада», и переносить более позднюю оценку вполне конкретных поступков на поведение эпических богатырей совершенно неправомерно.

Причастие $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\eta\nu\omicron\rho\epsilon\acute{\omicron}\nu$ (от неупотребительного глагола $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\eta\nu\omicron\rho\epsilon\acute{\omicron}\omega$) имеет в словарях совсем скверную репутацию: nur in tadelndem Sinne (Pape), always used in bad sense (LSc.), хотя в последнем и отмечается, что $\eta\nu\omicron\rho\epsilon\acute{\omicron}$ есть эквивалент $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\iota\alpha$ («мужество»); при таком объяснении негативное значение причастия становится совсем неожиданным. Не подтверждается оно и одним из самых ранних случаев его употребления: в «Илиаде», 13, 258, критянин Мерион вынужден отлучиться из боя, так как он сломал свое копье о щит троянца Деифоба — $\Delta\eta\iota\phi\acute{o}\beta\omicron\iota\omicron\ldots \acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\eta\nu\omicron\rho\epsilon\acute{\omicron}\nu\tau\omicron\varsigma$. Ни малейшего осуждения здесь нет: в лице «безмерно мужественного» Деифоба Мерион нашел достойного соперника. Другой пассаж, также трактуемый в словарях, естественно, in malam partem, помогает нам проследить историю развития интересующего нас определения.

В Od. 6, 5 $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\epsilon\varsigma$ $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\eta\nu\omicron\rho\epsilon\acute{\omicron}\nu\tau\omicron\varsigma$ названы киклопы, и, помня о поведении Полифема в девятой книге, мы готовы вслед за Жуковским и Фоссом назвать их и здесь «свирепыми и надменными», «übermütige». Но в начале шестой книги киклопы упомянуты совсем в другой связи: раньше близости от них жили феаки и киклопы грабили их, поскольку были сильнее, $\beta\iota\eta\tau\iota$ $\delta\epsilon$ $\phi\acute{\epsilon}\rho\tau\epsilon\rho\omicron\iota$ $\eta\varsigma\alpha\nu$, поэтому феакам пришлось переселиться на остров Схерию. Эта ситуация едва ли чем-нибудь отличается от положения, сложившегося в древней Германии при Цезаре, когда узипеты и тенктеры должны были спастись от свевов, потому что последние много лет доминировали над ними и мешали им возделывать землю (В. С. 4, 1). В обоих случаях причиной отступления более слабого племени была его меньшая боеспособность и, следовательно, «превосходство в мужестве» у нападающих. С точки зрения современного человека, и легендарные киклопы, и исторические свевы вели себя неблагородно, но первобытнообщинный строй имел свои представления о морали: $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\eta\nu\omicron\rho\epsilon\acute{\omicron}\nu$, как и $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\beta\iota\omicron\varsigma$, содержал оценку человека или племени по его силе, и обладание ею в избытке не давало повода для осуждения. Но, конечно, и в древнейшие времена было развито представление о допустимости тех средств, которыми достигалось превосходство в силе. В этом отношении показателен целый ряд случаев, где $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\eta\nu\omicron\rho\epsilon\acute{\omicron}\nu$ имеет отрицательное значение;

внимательное рассмотрение контекста хорошо объясняет, как оно могло возникнуть.

В «Илиаде», кроме уже упомянутого пассажа 13, 258, мы находим причастие *ὑπερῆγορος* еще один раз: увидев, что Менелай ранен предательским выстрелом Пандара, Агамемнон раздражается гневной речью по адресу троянцев, нарушивших перемирие, и называет их *ὑπερῆγοροντες* (4, 176): прибегнув к оружию вопреки договору, троянцы приобрели «превосходство в мужестве», основанное на вероломстве, а не на силе, и это уже зазорно. Женихи Пенелопы дважды названы *καὶ καὶ ὑπερῆγοροντες* (Od. 2, 266; 4, 766) — «плохо применяющими превосходство в мужестве», поскольку они в мирное время притесняют беззащитную царицу и грабят дом славного героя. Наречие *καὶ καὶ* недвусмысленно указывает на первоначально положительное, а затем во всяком случае нейтральное значение глагола *ὑπερῆγω*, — только когда превосходство в силе обращается против недостойного объекта, оно становится предметом порицания, и женихи уже могут быть названы просто *ὑπερῆγοροντες* (например, 2, 324, 331; 17, 482, 581; 20, 375) — не столько «надменными», сколько «насильниками»¹⁵.

Еще меньше, чем *ὑπερῆγορος*, заслуживает негативного толкования причастие от глагола *ὑπερῆφηνω*, встречающееся всего один раз, — Il. 11, 694, в контексте, совершенно аналогичном Od. 6, 5: эпейцы, пользуясь ослаблением Пилоса, притесняли пилосцев, *ταῦθ' ὑπερῆφηνοντες*. Отзыв исходит здесь от Нестора, который собственный набег на Элиду и угон чужого скота расценивает совсем иначе. Что же касается встречающегося несколько раз в послегомеровских памятниках прилагательного *ὑπερήφανος*, то и оно не поддается однозначному отрицательному толкованию. Если Солон (fr. 3, 36) подразумевает под *ὑπερήφανη ἔργα* насилие и корыстолюбие афинских богачей, то *ὑπερήφανος αἰάτα*, в которую ввергла Иксиона его «гордыня» (Pi., Pyth. 2, 28), может обозначать просто «безмерную беду», а еще в трех случаях *ὑπερήφανος* имеет вовсе положительное значение. Сюда относятся: (1) Hes., Theog. 149; (2) Ibyc., fr. 282a 17 Page; (3) Bacch., 17, 49. Рассмотрим их подробнее.

У Гесиода в «Теогонии» *ὑπερήφανα τέχνα* Геи и Урана названы Сторукие. Мы уже имели случай заметить, что чудовищная внешность гигантов, титанов, киклопов или Сторуких сама по себе еще не дает повода для их нравственного осуждения. В «Теогонии» Сторукие наделены огромной силой, *ισχυὸς δ' ἅπλητος κρατερή*, ст. 153; испугавшись ее, Зевс сначала упрятал Сторуких под землю, а затем, опираясь на их мощь, сумел победить титанов (ст. 649—663, 669—686). В этой борьбе Сторукие доказали, что они и в самом деле «выдаются среди других» — даже среди титанов — своим могуществом, которое они поставили на службу Зевсу. Поэтому никакого осуждения их сила и ее использование у Гесиода не вызывает и вызывать не может.

У Ивика, где речь идет о «выдающейся доблести» ахейских героев, и у Вакхилида, повествующего о «выдающейся отваге» Тесея, который осмелился противостать Миносу, позитивное употребление *ὑπερήφανος* совершенно очевидно. (Любопытно, что в словаре Лидделла—Скотта, как и в самом последнем Supplementum к нему, ссылки на Ивика вовсе

¹⁵ Результат прослеженной эволюции в значении *ὑπερῆγορος* находит отражение и в понимании прилагательного *ὑπερήγωρ*: в то время как в гесиодовском «Каталоге женщин» среди женихов Елены *ὑπερήγωρ* («сверхмужественным») назван безупречный Протесилай (*ἔξοχ' ἀριστος*, fr. 199, 6), в более позднем каталоге богинь, присоединенном к «Теогонии», мы встречаем эпитет *ὑπερήγωρ* при имени Пеллии как синоним к *ὑβριστής... καὶ ἀτάσθαλος ὑβριμοεργός* (Hes., Theog. 995s.).

нет, а пассаж из Вакхилида приведен под рубрикой *in bad sense* — это об афинском-то герое в дифирамбе, предназначенном для афинян!).

Сходный путь развития с уже разобранными прилагательными происходит *ὑπερφιάλος*. Сближение с корнем *φρ-* и прилагательным *ὑπερφύης* указывает, что его первоначальное значение связано с выходом за обычные нормы, установленные природой. Это значение без труда прослеживается в двух пассажах Пиндара: «чудовищное потомство» (*γόνος ὑπερφιάλον*, *Puth.* 2, 42) — Кентавры, нарушающие своей внешностью обычные нормы¹⁶; «огромные оковы» (*δεσμὸς ὑπερφιάλος*, fr. 92) — гора, под которой погребен Тифон. Если огромный размер характеризует живое существо, то с ним ассоциируется столь же огромная физическая сила; в этом смысле целиком положительна данная Вакхилидом (11, 78) оценка «обладающих огромной силой» (*ὑπερφιάλοι*) киклопов, которые поэтому смогли построить знаменитые «киклопические» стены. Сходный оттенок присутствует в *Od.* 9, 106 и у Гесиода, fr. 43а, 65, где соответственно киклопы и гиганты тоже названы *ὑπερφιάλοι*, поскольку они отличаются огромным ростом и громадной физической силой. Наконец, связь физической силы с большим ростом становится необязательной: *ὑπερφιάλος* может быть и невысокий ростом Диомед (II. 5, 881), и вообще всякий человек, превосходящий силой другого. Характерным примером служит одно место из гомеровского гимна к Деметре (ст. 131), оставленное без внимания лексикографами.

Явившись в Элевсин в образе старухи, Деметра рассказывает, что она бежала от захвативших ее пиратов, *ὑπερφιάλους σημάτωντας*; Вересаев¹⁷ переводит «надменных хозяев», Юмбер¹⁸ — *ses maîtres superbes*. Однако какая «надменность» требуется для того, чтобы похитить старую женщину? *ὑπερφιάλοι* попросту обозначает здесь «превосходящих силой», «насиленно» захвативших старуху разбойников, а вовсе не содержит их этической оценки¹⁹. Точно так же Гера, жалуясь на *θυμὸς ὑπερφιάλος καὶ ἀπηνής* Зевса (II. 15, 94), не укоряет царя богов в «надменности», а только констатирует невозможность сопротивляться воле более могущественного бога.

В любопытном контексте та же формула выступает в II. 23, 611. Здесь Менелай, осудив Антилоха за недозволенный прием в состязании на колесницах, удивляется тем, что юноша признает свою вину и готов отдать старшему сопернику незаконно полученный приз. Однако и Менелай не дает презойти себя в благородстве и уступает принадлежащую ему награду, чтобы все знали, говорит он, *ὥς ἐμὸς οὗ ποτὲ θυμὸς ὑπερφιάλος καὶ ἀπηνής*. Если в изложенной ситуации эта формула и приобретает моральный оттенок, то значение его в том, что Менелай не хочет пользоваться своим выдающимся положением и своей силой (ср. ст. 578: *κρείσσων ἀρετῇ τε βίῃ τε*) против уступающего ему по положению и по возрасту противника.

¹⁶ Трудно сказать, содержится ли подобный оттенок в словах Пиндара *Μολίωνες ὑπερφιάλοι* (*Ol.* 10, 34). О Молионидах Ктеате и Еврите, сыновьях Молионы и Посейдона (или Актора), существует два варианта традиции, редко пересекающиеся друг с другом: в то время как Гесиод (fr. 17а, 14—17), Ивик (fr. 285 Page, там же литература), Ферекид (в схол. А к. II, 11, 709), а из поздних — схолии к Гомеру и *Bibl.* II 7, 2, говорят об их необычной внешности («снамские близнецы»), Гомер совершенно опускает эти чудовищные черты (ср. II. 11, 709 s., 750—752; 23, 638—642); не упоминает их и Павсаний (ср. V, 1, 10; 2, 1; 3, 3), обращая внимание только на цветущий возраст и смелость обоих братьев-близнецов.

¹⁷ См. в кн. «Эллинистические поэты», пер. с древнегреч. В. Вересаева, М., 1963.

¹⁸ *H o m e r e, Hymnes. Texte établi et traduit par J. Humbert, P., 1959.*

¹⁹ Соответственно и Эвлин-Уайт оставляет это определение вовсе без перевода:... *escaped my masters (Hesiod, the Homeric Hymns and Homeric Hymns, ed. and transl. by H. G. Evelyn-White, L., 1936).*

Значение «сильный», искони присущее прилагательному ὑπερφιάλος, целиком сохраняется в наречии ὑπερφιάλως: «сильно разгневаться», «сильно печалиться» (Il. 13, 293; 18, 300), «сильно бесчинствовать», «сердиться», «дивиться» (Od. I, 227; 17, 481 = 21, 285; 18, 71) — во всех случаях наречие остается нейтральным, только усиливая значение глагола. Впрочем, дважды оно даже получает оттенок «ловко», «смело» — в Od. 4, 663 и 16, 346, когда женихи удивляются, как Телемах решился, вопреки их сопротивлению, отправиться на корабле в Пилос.

Если наряду с этим ὑπερφιάλος все же чаще употребляется в отрицательном значении, то объяснением может служить сказанное выше в связи с причастием ὑπερῆγορός: вопрос сводится к тому, как и к чему прилагается сила. В «Илиаде» ὑπερφιάλοι, кроме рассмотренных выше случаев, употребляется только о троянцах, поскольку они нарушили клятву о перемирии, обратившись к силе вопреки данному слову (13, 621; 21, 224, 414, 459; ср. опасения Менелая, знающего за сыновьями Приама склонность к вероломству, — 3, 106). В «Одиссее» ὑπερφιάλοι называют главным образом женихов (1, 134; 2, 310; 3, 315 = 15, 12; 4, 790; 11, 116; 13, 373; 14, 27; 15, 315, 376; 16, 271; 18, 167; 20, 12, 291; 23, 356), характеризуя их, таким образом, как «насильников» или «многобуйных», применяющих силу не по назначению. Тот факт, что подобная характеристика однажды вложена в уста Антиноя (21, 289), не меняет существа дела: ее можно объяснить и уже устоявшейся в эпосе традицией, и — если угодно встать на «психологическую» точку зрения — беззастенчивой наглостью Антиноя, прекрасно отдававшего себе отчет в насильственном характере действий всех женихов (ср. его высказывание о заговоре против Телемаха как о μύθοι ὑπερφιάλοι, 4, 774²⁰).

Злоупотребление силой лежит в основе оценки, даваемой у Пиндара Пелию (ὑπερφιάλος ἀγεμών, Pyth. 4, 111) и у Вакхилида — поведению гигантов (оба раза — под влиянием ὕβρις), хотя само по себе определение ὑπερφιάλοι [Γὰρ] παῖδες (15, 62) только указывает на их необычные физические возможности.

Свое исконное значение «сверхмощный» сохраняет достаточно часто прилагательное ὑπέροπλος. Таковы Сторукые, выступающие со своей огромной физической мощью в поддержку Зевса (Hes., Theog. 619, 670), но таков и Менетий, представляющий опасность для Зевса из-за своей ἡνιόχης ὑπέροπλος (ib. 516). Змея, убившая в Немее маленького Офельта, названа ὑπέροπλος, потому что ее сила соизмеряется с беспомощностью младенца (Vasch. 9, 13). «Владыка народов», Еврипил, рожденный Местрой от Посейдона, обладал «сверхмощной силой» (βίην ὑπέροπλον, Hes., fr. 43a, 59), как и полагается настоящему царю²¹. Царем «сверхмощных» лапифов был Гипсей, отец Кирены (Pi., Pyth. 9, 14). Сочетанием ὑπέροπλος ἔτα передана огромность наказания, постигшего Тантала (Pi., Ol. 1, 57), безотносительно к характеру его проступка. Показательно, что и там, где ὑπέροπλος приобретает отрицательный смысл «надменный» (Il. 15, 185; 17, 170; Pi., Pyth. 6, 48), в первом из этих случаев нетрудно заметить в качестве основы «надменности» переоценку собственной силы: Посей-

²⁰ Два оставшихся случая употребления прилагательного ὑπερφιάλος в «Одиссее» указывают на такое же возрастание нравственной оценки, как и в последнем из приведенных примеров: ὑπερφιάλιν ἐπὶς, стоявшее жизни богохульнику Аяксу Ойлеиду (4, 503), и боязнь «недоброжелательных», «злоречивых» людей (μῆλα... ὑπερφιάλοι) со стороны Навсикаи (6, 274).

²¹ О значении сочетания ὑπέροπλος βίη у Мимнерма (fr. 12, 3) см. В. Н. Я р х о. К пониманию термина ὕβρις в древнегреческой поэзии архаического периода, в кн. «Античное общество», М., 1967, стр. 354.

дон выражает недовольство вмешательством в его дела Зевса, которому он равен по власти и могуществу.

Исследование древнегреческих эпитетов с префиксом *ὑπερ-* не только подтверждает общую закономерность человеческого мышления — формирование отвлеченных, нравственных понятий из вполне конкретных, физических представлений, но и показывает, как первоначально положительные оценки переходят в свою противоположность. В самом деле, все рассмотренные здесь прилагательные (и родственные им части речи) в своем первоначальном значении характеризуют огромную физическую силу, мощь, которой те или иные боги и герои превосходят обычных смертных, причем это обстоятельство насколько не служит к их порицанию и не может быть поставлено им в вину. Напротив, *ὑπέρβιος*, *ὑπερφανός*, *ὑπερφιάλος*, *ὑπερόπλος* вплоть до середины V в. сохраняют в целом ряде случаев положительное значение. Употребление же разобранных прилагательных в отрицательном смысле возникает из совершенно определенной ситуации, когда применение силы нарушает моральные нормы «героической» эпохи и потому вызывает осуждение. Следовательно, древнегреческий эпос надо оценивать с конкретно-исторических позиций и не пытаться вносить в него нравственную проблематику, возникающую только в более позднюю эпоху и несовместимую с идеалами героического сказания.

ON THE MEANING OF EPIC ADJECTIVES WITH PREFIX *ὑπερ-*

by V. N. Jarkho

One of the reasons for the frequent modernization of moral problems in studies of early Greek literature is the ambiguous, inaccurate and at times even downright faulty explanation of a number of words, which throughout the archaic period carried nothing but a concrete meaning, being absolutely devoid of any ethical colouring whatsoever. This is also true of the adjectives with the prefix *ὑπερ-* (and two adjectivized participles). In five out of the eleven adjectives that form this group the prefix *ὑπερ-* clearly retains its principal function, i. e. it serves to indicate a high degree of a certain property or quality *ὑπεραῖς*, *ὑπερχόδας*, *ὑπερμενής*, *ὑπέροχος*, *ὑπερδαής*. As to the other six (*ὑπέρθυμος*, *ὑπέρβιος*, *ὑπερηνόρεων*, *ὑπερφανέων*, *ὑπερφιάλος*, *ὑπέροπλος*), according to various dictionaries they are of a purely pejorative nature, i. e. they correspond to the following: *overweening*, *arrogant* *wanton*. This pejorative meaning indicated by the dictionaries is, however, neither the original meaning of these adjectives, nor that the most frequently observed. They are basically used to signify the physical power of gods or heroes, superior to others, which in the eyes of an epic poet was not something vicious. The pejorative meaning was not inherent in the adjectives, adverbs or participles as such; it either arises from the context (e. g. *ὑπέρβιος ὕβρις*, Od. 1, 368; 4, 321; *ὑπέρβιον θαρρόπτευσιν*, *φθινύθουσιν*, Od. 14, 92 and 95; 16, 315; *κακῶς ὑπερηνόροντες*, Od. 2, 266; 4, 766,— cf. the same *ὑπέρβιος* and *ὑπερηνόρεων* in a neutral or favourable meaning; Hes., Op. 692; Pind., Ol. 10, 15; fr. 140a, 54; Bacch. 3, 37; Il. 13, 258), or is felt only in instances when a hero's superiority is achieved not by his strength, but by perfidy (Il. 4, 176; 13, 621; 21, 224), or if the hero's power is directed against some unworthy object (Od. 1, 134; 2, 324; 15, 12; 17, 482; 20, 375 etc.).

ПУБЛИКАЦИИ

Н. А. Померанцева

ДВЕ СКУЛЬПТУРНЫЕ МОДЕЛИ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ им. А. С. ПУШКИНА

ДВЕ публикуемые здесь скульптурные головки из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (инв. № 4120 и 4121; нильский ил; высота 10,5 и 8,5 см) до сих пор не были изданы, если не считать краткого упоминания о них в статье Т. Н. Бороздиной¹.

Обе головки ГМИИ отмечены поразительным сходством черт лица, манеры и стиля исполнения. Голова имеет яйцевидную форму; лицо — слегка удлиненное, с мягким овалом щек и округлостью подбородка. Голова № 4120 отделана более тщательно, детали лица проработаны контрастнее. Головной убор не закончен, а лишь пройден в общих чертах. Выпуклое глазное яблоко передано объемно, линия век выступающим контуром обрамляет глаза. Уши совсем не проработаны, конец носа стерт. Губы слабо моделированы, но традиционная улыбка заметна достаточно отчетливо, уголки губ лежат на разном уровне. Переносица очень тонкая, благодаря чему создается резкая затененность глазных впадин, а сами глаза выглядят более выпуклыми. Поверхность лица моделирована в самых общих чертах, чуть заметна выпуклость скул и понижение объема к глазным впадинам. Нос имеет небольшое расширение книзу (подобная же форма носа и у головки Бруклинского музея). Что касается склада лица, то можно отметить в нем полное отсутствие эллиптических элементов — весь облик выявляет чисто египетские черты и дает все основания говорить об исполнении обеих головок местным мастером.

Другая головка — № 4121 — аналогична первой по приемам исполнения, но сделана грубее и менее закончена. Форма головы несколько круглее, поверхность лица проработана вяло, хотя тот же светотеневой прием применен и здесь. Рот более растянутый, губы шире, кончик носа расширяется книзу. Прорабатывая детали, мастер сосредоточивает внимание на тех же элементах, что и в предыдущем памятнике. Пропорции лица выдержаны в принятых канонизированных соотношениях, характерных для древнеегипетской пластики.

¹ Т. Н. Бороздина, Скульптурные модели Музея изящных искусств при Московском университете, «Сборник „Московского Меркурия“ по истории литературы и искусства», вып. 1, М., 1917.